

Суд

Второе заседание суда, 13 марта, решено было провести как показательный процесс. Для этого нашли вместительный зал в клубе 15-го ремонтно-строительного управления (Фонтанка, 22). У входа висело объявление «Суд над тунеядцем Бродским». Когда в ходе процесса один из выступавших заметил, что это является нарушением принципа презумпции невиновности, суд на это никак не прореагировал²⁰³. «Из друзей Иосифа и вообще литературной публики в зал попало сравнительно немного народу. Две трети зала заполнены были специально привезенными рабочими, которых настроили соответствующим образом»²⁰⁴. Процесс состоял из трех частей: допрос подсудимого, выступления и допрос свидетелей, речи общественного обвинителя и адвоката. Диалог Бродского с судьей Савельевой проходил в той же абсурдной манере, что и на первом заседании суда. Судья на все лады требовала от Бродского ответа, почему он не работал после ухода из школы.

«Судья : ...Объясните суду, почему вы в перерывах [между работами. – Л. Л.] не работали и вели паразитический образ жизни?

Бродский : Я в перерывах работал. Я занимался тем, чем я занимаюсь и сейчас: я писал стихи.

Судья : Значит, вы писали свои так называемые стихи? А что полезного в том, что вы часто меняли место работы?

Бродский : Я начал работать с пятнадцати лет. Мне все было интересно. Я менял работу потому, что хотел как можно больше знать о жизни, о людях.

Судья : А что вы делали полезного для родины?

Бродский : Я писал стихи. Это моя работа. Я убежден... я верю, что то, что я написал, сослужит людям службу и не только сейчас, но и будущим поколениям.

Судья : Значит, вы думаете, что ваши так называемые стихи приносят людям пользу?

Бродский : А почему вы говорите про стихи «так называемые»?

Судья : Мы называем ваши стихи «так называемые» потому, что иного понятия о них у нас нет»²⁰⁵.

Эти однообразные пререкания – судья спрашивает, почему Бродский не работает, он отвечает, что пишет стихи, – продолжались в течение всего допроса подсудимого.

201 Среди тех, кому через несколько лет пришлось пройти через «наказание психиатрией», была Наталья Горбаневская, поэт и друг Бродского. О карательной психиатрии, в том числе о попытке мокрыми простынями, см.: Bloch S., Reddaway P. *Psychiatric Terror: How Soviet Psychiatry Is Used to Suppress Dissent*, New York: Basic Books, 1977. О том, как пребывание на Пряжке послужило материалом для поэмы «Горбунов и Горчаков» (ОВП), см. подробнее Loseff 2004.

202 Гордин 2000 С. 186.

203 См. Эткин 1977. С. 166.

204 Гордин 2000 С. 184.

205 Гордин 1989. С. 153.

Свидетели защиты, все трое, были членами Союза писателей: поэт Н. И. Грудинина (р. 1918) и два профессора-филолога из педагогического института им. Герцена, оба известные переводчики с европейских языков – Е. Г. Эткинд (1918–1999) и В. Г. Адмони (1909–1993). Как специалисты в области поэзии и поэтического перевода они пытались доказать суду, что сочинение и переводы стихов действительно являются нелегким трудом, требующим особого таланта и профессиональных знаний, что эту работу Бродский делал квалифицированно и талантливо. Все трое были знакомы с молодым поэтом и отзывались о нем тепло и с уважением. О тех, кто свидетельствовал против него, Бродский уже из ссылки писал в письме генеральному прокурору СССР: «Могут ли называться свидетелями лица, которые меня никогда не видели? Свидетелями ЧЕГО они в таком случае являются?»²⁰⁶ Но Бродский понимал слово «свидетель» как поэт по его корневому смыслу, тогда как в том ритуале, который разыгрывался под руководством судьи Савельевой, значение свидетельства понималось совсем иначе, примерно так, как понимается «свидетельство» в некоторых евангелических сектах: «свидетель» прилюдно свидетельствует о своей безоговорочной вере (в данном случае в авторитет Советского государства и всех его органов – КГБ, милиции, газеты «Смена») и о священной ненависти к тем, кого государство объявляет своими врагами. В этом смысле характерна риторика общественного обвинителя Сорокина, соратника Лернера по народной дружине Дзержинского района: «Бродского защищают прощельги, тунеядцы, мокрицы и жучки... Он — тунеядец, хам, прощельга, идейно грязный человек»²⁰⁷. Свидетелей обвинения было вдвое больше, чем свидетелей защиты. Литератором из шести был только присланный Союзом писателей Е. В. Воеводин, остальные пятеро – начальник Дома обороны Смирнов, завхоз Эрмитажа Логунов, рабочий-трубоукладчик Денисов, пенсионер Николаев и преподавательница марксизма-ленинизма Ромашова – никак не являлись специалистами в области литературного труда. Все шестеро начинали свои показания с заявления, что с Бродским лично не знакомы. Это может показаться странным – зачем настаивать на своем незнании с человеком, о котором собираешься свидетельствовать, но такой зачин напоминал уже установившуюся пятью годами раньше во время кампании «всенародного осуждения» Пастернака формулу: «Я романа Пастернака не читал, но...» Видимо, логика партийных сценаристов была такая: личное знакомство может быть основой личной антипатии, а советские трудящиеся дают объективную оценку общественной личности обвиняемого. Поэтому так символически репрезентативен подбор «свидетелей» по социальному положению, полу и возрасту – рабочий, военный, служащий, пенсионер, два интеллигента, среди них люди разных поколений, мужчины и женщина. Символика здесь очевидна – всенародное (в масштабах Дзержинского района города Ленинграда) осуждение тунеядца.

Насколько нам известно, даже не делалось попыток найти свидетелей обвинения среди личных знакомых Бродского. Вероятно, не потому, что такие попытки ни к чему бы не привели – кто знает? – но просто задача суда была не юридическая, а ритуально-идеологическая. Сведения о Бродском свидетели почерпнули из статьи и «писем читателей» в «Вечернем Ленинграде» и еще, надо полагать, на инструктаже в райкоме партии. Воеводин был также проинструктирован в Союзе писателей, а пенсионер Николаев якобы видел стихи Бродского у своего непутевого сына. В их речах, в том числе и в речи Воеводина, варьировались обвинения из пасквиля Ионина, Лернера и Медведева. Вели они себя уверенно и даже нагло. На вопрос адвоката, откуда он знает, что «антисоветские стихи», которые его возмущают, были написаны Бродским, ведь в деле, как выяснилось, фигурируют стихи, написанные другими поэтами, начальник Дома обороны ответил: «Знаю и всё»²⁰⁸. Ни

206 Чуковская 1997. С. 473. Один из свидетелей, заместитель директора Эрмитажа по хозяйственной части Ф. О. Логунов впоследствии раскаивался в том, что принял участие в суде: вызвали в Дзержинский райком партии, он не смог отказаться (Якимчук 1990. С. 21).

207 Гордин 1989. С. 159.

208 Там же. С. 156.

одного замечания свидетелям обвинения судья, однако, не сделала, тогда как свидетелей защиты, в особенности двух почтенных профессоров, то и дело грубо одергивала.

Адвокат Бродского Зоя Николаевна Топорова старалась, по возможности не раздражая суд, повернуть дело в юридическое русло, на основании документов и свидетельских показаний доказать, что ее подзащитный никак не может быть осужден по указу о тунеядцах: немного, но зарабатывал, в антиобщественном поведении не уличен. Обвинители клеймили Бродского не только за то, что он не работает, а пишет «так называемые» стихи, но и за то, что не служил в армии, и за связь с Шахматовым и Уманским. Строго говоря, ни то ни другое вообще не относилось к делу, но опытный адвокат знала, как расширительно толкуются законы и указы в советском суде, и ответила и на эти выпады: по делу Уманского и Шахматова компетентные органы не сочли нужным предъявить Бродскому обвинения, а от армии он был освобожден в законном порядке по состоянию здоровья. Позже Топорова вспоминала: «Бродский замечательно сказал свое последнее слово. Там было: „Я не только не тунеядец, а поэт, который прославит свою родину“. В этот момент судья, заседатели – почти все – загоготали»²⁰⁹.

Процесс продолжался около пяти часов и закончился поздно вечером. Приговор поразил даже тех, кто без надежды на оправдание пришел в суд, чтобы поддержать поэта. Бродского осудили на максимально возможное по указу 1961 года наказание – «выселить из гор. Ленинграда в специально отведенную местность на срок 5 (пять) лет с обязательным привлечением к труду по месту поселения»²¹⁰.

Помимо приговора Бродскому суд вынес еще и совершенно невероятное, с юридической точки зрения, частное определение – осудил свидетелей защиты Грудинину, Эткинду и Адмони за высказывание ими своих мнений о личности и творчестве подсудимого, то есть за то, для чего их и вызывали в суд. Они, говорилось в частном определении, «пытались представить в суде пошлость и безыдейность его стихов как талантливое творчество, а самого Бродского как непризнанного гения. Такое поведение Грудининой, Эткинды и Адмони свидетельствует об отсутствии у них идейной зоркости и партийной принципиальности». Частное определение было передано в Союз писателей с указанием: «О принятых мерах доложить суду»²¹¹.